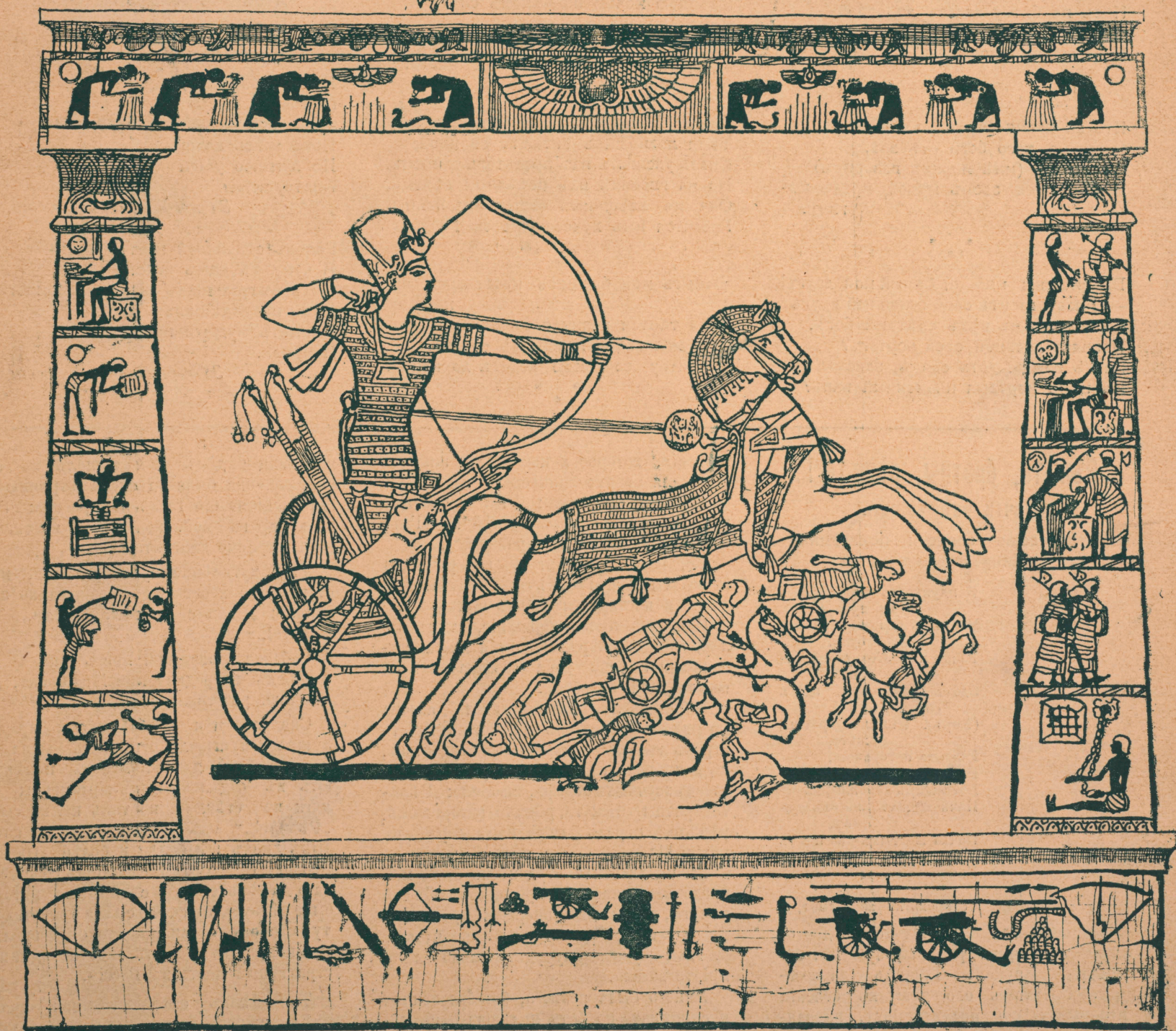
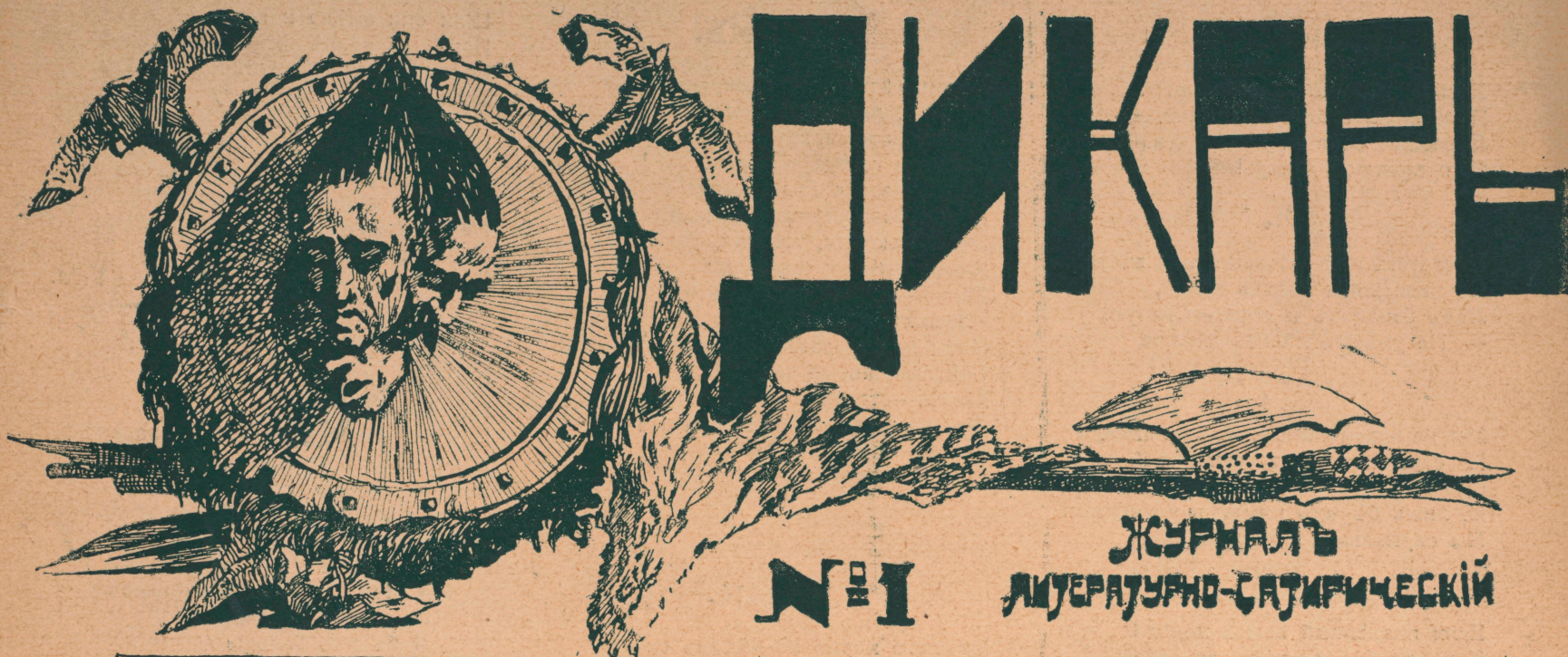

DK26.2
.R9
Russ. Lit. Soc.

Цѣна 10 к., съ пересылкой 12 к.

1906 г.

Дикарь.

Я свободенъ, какъ птица степей,
Я не знаю тисковъ и цѣпей,
Я владѣю землею, какъ царь,
Я, презрѣнный дикарь!

* *

И чертогъ мой—шалашъ изъ вѣтвей...
Но роскошную зелень полей,
Лѣсъ банановъ и море.—Смотри!
— Не умѣютъ дѣлать дикари.

* *

Мы не знаемъ кровавыхъ потѣхъ,
И страшить насъ свинцовый вашъ смѣхъ,
И, лишь бѣлыхъ плывутъ корабли,
Мы скрываемся робко вдали...

* *

Если пламенный вождь молодой
Насъ на битву ведетъ за собой—
Стрѣлы-птицы безъ промаха въ цѣль!
Но... щадимъ колыбель!

* *

Кто за племя стоитъ, какъ скала,
Охраняетъ того боги отъ зла,
Но у васъ (мнѣ морякъ говорилъ)
Для такихъ звонъ цѣпей, мракъ могилъ.

* *

Вы смѣшны мнѣ, о, бѣлый мой другъ!
— Развѣ гаситъ свой огненный кругъ
Въ океанѣ на вѣкъ свѣтлый богъ,
Покидая дневной свой чертогъ?
Развѣ вождь, хотъ одинъ, заковалъ
Въ цѣпи мертвые пламенный валъ?

Жизнь.

Жизнь—это греза прекрасная,
Счастье, любовь и свобода.
Жизнь—это шутка ужасная,
Стоны и голодъ народа...
Жизнь—это слезы кровавые,
Кличъ безобразный насилья,
Цѣпи тяжелыя, ржавыя,
Юныя, смѣлыя крылья!..
Жизнь—города полоненные,
Павшихъ святые могилы...
Нивы до тла разоренныя...
Свѣтлыя, новыя силы...
Жизнь—это тьма безысходная,
Факель потухшій сознанья...
Жизнь—это воля народная,
Гимнъ въ честь борьбы и страданья!

Veta.

Тѣни.

Свѣтлою ночью на бѣломъ снѣгу
Капли кровавыя я стерегу.
Ярко горятъ онѣ въ блескъ луны,
— Дѣти страданья родной стороны!

* *

Тише! Надъ бѣдной заснувшей землей
Тѣни погибшихъ витаютъ со мной:
Спать уложилъ ихъ предатель свинецъ,
Но на главахъ ихъ побѣдный вѣнецъ,
Очи не здѣшнимъ восторгомъ полны,
Грезятся имъ лучезарные сны!

* *

Факель мой блещетъ кровавымъ огнемъ,
Сила таится великая въ немъ—
Онъ зажигаетъ пожаромъ сердца,
Въ битву со тьмою ведетъ до конца!

* *

Шли они смѣло и гордо за мной,
Пали... и капли ихъ крови живой
Свѣтлою ночью, на бѣломъ снѣгу
Въ блескъ луны стерегу!

* *

Чу! завываютъ шакалы въ лѣсу.
Прочь! я волшебный мой факель несусь!
Крадутся волки лѣсною тропой...
Не прикоснетесь нечистой стопой:
Я ихъ покою стерегу
Здѣсь на кровавомъ лугу!

Veta.

Предѣлъ досягаемости.

Воевода морской
Послѣ битвы Тверской
Намъ словечко оставилъ въ подарокъ.
Мы подарокъ возьмемъ
И во славу споемъ
Адмиральскихъ bons mots и ремарокъ.
Бой горячій кипѣлъ,
Что ни шагъ, то прицѣлъ...
И Москва за чертой узнаваемости.
Адмиралъ доносилъ:
Я бѣ ихъ больше скосилъ,
Но ушли...

За предѣлъ досягаемости.

* *

Намъ свободы даны,
(И Россіи сыны
Испытали ужъ ихъ осязаемости)
Показались вдали,
Но пугливо ушли
Впятеромъ...

За предѣлъ досягаемости.

* *

Голодъ страшный идетъ
И чуму къ намъ ведетъ
(Ужъ въ границахъ она познаваемости).
Рядъ разумнѣйшихъ мѣръ
Приметъ мудрый премьеръ.
И чума...

За чертой досягаемости.

* *

„Рѣжьте, братцы, рѣжьте“!

(Почти изъ Твэна).

Историческія записки полковника
Минрогриманова.

Кондукторъ, отправляясь
въ путь,
Не рѣжь билеты какъ ни-
будь,
Рѣжь ихъ заботливой ру-
кой;
Здѣсь пассажиръ, здѣсь
спутникъ твой.
(Хоръ). Рѣжьте, братцы,
рѣжьте,
Рѣжьте осторожно.
Рѣжьте, передъ вами
Пассажиръ дорожный...
Пачка синихъ—восемь цен-
товъ,
Пачка желтыхъ—за шесть
центовъ,
Пачка розовыхъ—лишь
три—
Осторожнѣй рѣжь, смотри!

Помнишь ли ты, читатель, досто-
вѣрную исторію, рассказанную почтен-
нѣйшимъ Маркомъ Твэномъ, (да возъ-
метъ Создатель его душу въ селенія
праведныхъ!) о послѣдствіяхъ, вызван-
ныхъ прочтеніемъ весьма звучнаго стихо-

творенія, которое я поставилъ эпигра-
фомъ для своихъ записокъ?

А эти яркія строки: „Рѣжьте, братцы,
рѣжьте, рѣжьте... осторожно“?.. (Гмъ,
къ чему только... „осторожнѣй“).

Но, весьма вѣроятно, въ рассказѣ
этомъ ты нашелъ „нѣчто бюрократи-
ческое“ и постарался забыть его.

Напомню тебѣ содержаніе, тѣмъ бо-
лѣе, что достоверная исторія сія таинст-
венными нитями рока связана съ моей
собственной судьбой...

Помнишь ли, какъ пріятель автора
разрядилъ десятокъ мучившихъ его
строкъ въ уши довѣрчивыхъ студентовъ,
и какъ вся аудиторія, пропитавшись
елеемъ звучныхъ строфъ, завопила: „Рѣж-
те братцы, рѣжьте, рѣжьте осторожно“,
рѣжьте, передъ вами пассажиръ до-
рожный!“

Въ числѣ этихъ студентовъ былъ мой
предокъ, Томасъ Минрогриманъ. Съ той
минуты, когда онъ впервые произнесъ:
„Кондукторъ, отправляясь въ путь“...
и т. д. судьба ему удивительно благо-
пріятствовала.

У него была невѣста, богобоязненная
и скромная, но безъ малѣйшаго прида-
наго миссъ; и судьба послѣ знаменатель-

ной лекціи дѣдъ мой вошелъ въ ея
комнату, она была удивлена страннымъ
выраженіемъ его глазъ и спросила: „То-
масъ, другъ мой, почему вы на меня
такъ странно смотрите?“

Дѣдъ мутно взглянулъ на нее и, на-
ступивъ на хвостъ ея собачки, дико за-
вопилъ: „Рѣжьте, братцы, рѣжьте... о!
рѣжьте!“

Собачка завизжала, миссъ упала въ
обморокъ, и предполагавшійся бракъ, къ
счастью, разстроился.

Сначала мои прабабушка и праде-
душка подумывали отправить сына въ
пансіонъ, гдѣ джентльменовъ помѣща-
ютъ въ отдѣльные апартаменты съ
мягкими стѣнами, но такъ какъ свое:
„Рѣжьте!“ онъ произносилъ съ каж-
дымъ днемъ все болѣе и болѣе вырази-
тельно и съ полнымъ сознаніемъ собствен-
наго достоинства, то семейнымъ совѣтомъ
было рѣшено, что счастье дѣда прячется по
ту сторону океана, и что ему вполне
приличествуетъ занять видный админи-
стративный постъ въ Россіи.

Такъ какъ его постоянная фраза
имѣла непосредственное отношеніе къ
министерству путей сообщенія, то съ

Ну, а если страна
Пробудилась от сна
Въ красотѣ молодой обновляемости?
Вѣдь едва-ль, господа,
Вамъ удастся тогда
Ускользнуть...

За предѣлы досягаемости.

Кайскій.

Обновленіе.

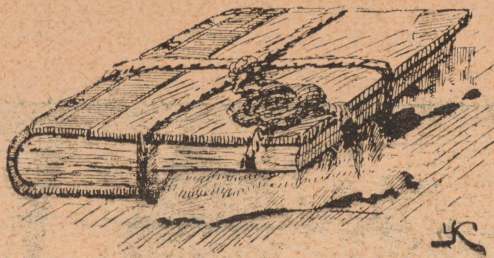
«Въ Таврическомъ дворцѣ обновленіе фресокъ и живописи приходится къ концу».

(Изъ газетъ).

Блестящихъ „свободъ“ арабески
Они показали вдали
И стали... отдѣлывать фрески
Во славу свободной земли...
Ахъ, крики насилия рѣзки!...
Отрядовъ „карательныхъ“ рой!..
За то обновленные фрески,
О чемъ же кричать, милый мой!

Притча.

Былъ человѣкъ одинъ не знатенъ, не
умень,
Въ сенатѣ мирно стулъ просиживалъ
казенный
Но вдругъ превыше всѣхъ собратій воз-
несень.
„Что значить этотъ сонъ?“ воскликнулъ
пораженный.
И самъ не знаетъ онъ, зачѣмъ на верхъ
попалъ
И почему „портфель“ въ рукахъ его
случился...
Но нѣкій человѣкъ тогда ему сказалъ:
„Другъ мой! ты во время съ министромъ
породнился!“

Ну, и прекрасно!

На мотивъ изъ Курочкина.

Да, ужъ за тысячу лѣтъ
Перешагнула Россія,
Правда, свободы въ ней нѣтъ,
Есть лишь Суворинъ-витія,
Смѣло гремѣлъ „Пулеметъ“,
„Зритель“ подшучивалъ страстно..
Стало быть пресса цвѣтеть—
Ну, и прекрасно!

* * *

Но почему—не понять—
Будь „Пулеметомъ“, „Мортирой“
Выкупъ стараются взять,
Иль награждаютъ „квартирой“?
Тысячи внесъ „Пулеметъ“,
Вновь подъ замкомъ... Безопасно!
А государству доходъ—
Ну, и прекрасно!

* * *

Право собраній дано,
А депутаты подъ прессомъ—
Изъ-за рѣшетки давно
Скромно слѣдятъ за прогрессомъ..
Но правовой вѣдь статутъ?
Такъ поступать самовластно!
А пепеки живутъ—
Ну, и прекрасно!

Я—нѣ.

Меншикову.

Тебя Іудой окрестилъ
Народъ честной повсюду
Ты этого не заслужилъ—
Жаль бѣднаго Іуду!
Іуда разъ продалъ Христа
И тотчасъ удавился,
Ты продаешь его „съ листа“
И гордь—не устыдился!

Юный политикъ.

„Аль вѣзправду тятка?
„Не пойму никакъ,—
„Баялъ въ церкви батька:
„Нутренній, молъ, врагъ,
„Завелся въ Рассеи,
„Англичанка, что-ль,
„Али кто хитрѣ
„Забрался отколь?“
— Правду всю, кормилецъ,
Батька говоритъ,
Енъ и не японецъ
А народъ мутитъ!—
„Тятка, а народу,
„Чай, въ Рассеи тьма?“
— Эй, пошелъ ты въ воду!
Не твою ума,
Ну, и тьма... Чаво же?—
„Стало Енъ большой?“
— Прочь пошелъ, негоже
Толковать съ тобой!—
„Знать, Енъ отъ народа
„Смѣлъ, ажъ всѣхъ мутитъ!
„(Звать Его „Слобода“,
„Митрій говоритъ),
„Гдѣ ступилъ, такъ, байтъ,
„Станетъ тамъ свѣтло;
„Пѣсни людъ играетъ,
„Богатѣй село.
„А исправникъ... на-тко!—
„Передъ Нимъ, какъ листъ“!..
— Карауль! Ванятка!
Ахъ, ты, сицилистъ!—

Фомичъ.

помощью вліятельныхъ тетусекъ по ту сторону океана дѣдъ мой занялъ постъ начальника тяги, и хотя онъ былъ еще молодъ и не зналъ русскаго языка, но очень быстро освоился съ своимъ новымъ положеніемъ, объявилъ себя, болѣе русскимъ (Russian), чѣмъ „эти русскія свиньи“, и прибавилъ къ нашей фамилии русское „овъ“ (съ теченіемъ же времени и иностранное „э“ беспокоило дѣда, и получился—Минрогримановъ).

А когда онъ произносилъ по словамъ свое „кон-дук-торъ“!.. оно звучало солидно и начальнически вѣско. Руссификація его закончилась блестящимъ аккордомъ женитбы на истинно-русской миссъ, принесшей ему, кромѣ своей особы, не одинъ десятокъ тысячъ пріятно хрустѣвшихъ ассигнацій.

Дѣдъ мой благополучно умеръ, завѣщавъ моему отцу кругленькій капиталъ и солидное служебное положеніе. Отецъ мой пошелъ еще дальше по служебной лѣстницѣ, но это не мѣшало ему сохранить нашу фамильную черту въ полной неприкосновенности, и онъ уже чисто русскимъ языкомъ произносилъ: Кондукторръ! и прибавлялъ къ нему нерѣдко чисто русское же „мер-р-завецъ“!..

Я росъ бойкимъ, многосбѣщающимъ мальчикомъ и съ дѣтскихъ лѣтъ уже мечталъ о военной карьерѣ, почему отецъ нерѣдко водилъ меня на мѣстную бойню, „чтобы, какъ онъ выражался, закалить духъ и консервировать душу будущаго воина“. Время шло и почти неожиданно для самого себя я почувствовалъ на своей губѣ первый пухъ и вмѣстѣ съ нимъ получилъ право именовать-ся „вашимъ благородіемъ“ и бить моего деньщика—(удивительная дубина!) по его вахлацкой физиономіи.

Нашъ фамильный девизъ выручалъ меня всюду: иногда его превосходительство генералъ Залихватовъ во время пріятнаго soirée, начальнически-дружелюбно подмигнувъ мнѣ, говорилъ:

„А ну, господинъ поручикъ, это-кое... знаете... оживляющее общество“!

И я, почтительно вытянувшись, начиналъ:

„Рѣжьте, братцы, рѣжьте!“—Старайтесь молодой человѣкъ, похвальныя, весьма похвальныя чувства!—благосклонно произносилъ его превосходительство, и лицо его прояснялось снисходительной улыбкой...

О, золотые дни моей молодости! О, первый мой выѣздъ „на усмиреніе“! Какое великолѣпіе нестись на боевомъ конѣ и этакъ молодецки гикнуть: „Рѣжьте, братцы, рѣжьте!“ Однако, мелкія „дѣла“ мало меня удовлетворяли, но тутъ грянуло то, что дерзкіе писаки окрестили „русской революціей“... Началось, увы, съ вѣдомства, къ которому отецъ мой имѣлъ такое близкое прикосновеніе... Забастовки... бредъ о совершенно ненужныхъ „свободахъ“, и накопъ любезные принципы твердой власти.

Въ одинъ изъ печальныхъ бредово-свободныхъ дней родитель мой призвалъ меня и сказалъ:

„Другъ мой, кажется, тово... пора мнѣ на покой—это одно, что осталось сдѣлать теперь истинно-русскимъ людямъ. Помни, сынъ мой, нашъ девизъ, который всѣхъ насъ вывелъ на вѣрную дорогу, но я полагаю, что по теперешнимъ временамъ его нужно нѣсколько измѣнить. Подумай, другъ мой, въ то время, когда кучка злонамѣренныхъ агитаторовъ устраиваетъ забастовки и революціи, говорить о... кондукторахъ! О кондукторахъ, когда крамола, воору-

Пригрьлись.

По кар. Тэниса.

ИСКУШЕНИЕ СВИТТЕ.

Рѣка.

Радостно играя и звеня всеми струйками, безъ отдыха неслась впередъ смѣлая рѣка. А на берегу, боязливо цѣпляясь узловатыми корнями за песчаный обрывъ, доживалъ свои дни старый дубъ.

„Послушай, остановись на мизуту! зашелестилъ онъ листьями: „Зачѣмъ ты подтачиваешь мои корни, легкомысленная рѣка? Я давно стою здѣсь, очень давно... Тогда тебя еще не было, а на твоёмъ мѣстѣ жилилось прекрасное ласковое болото. Какъ красиво убрано оно было зеленой, мягкой тиной, а старый камышъ такъ хорошо напѣвалъ:

„Спите.. сладкій сонъ...

„Спите... сонъ... сонъ...

Въ болотѣ жили умныя и благонамѣренныя лягушки. Онѣ съ сознаниемъ долга набивали желудки комарами и, грѣясь на солнышкѣ, прыгали между моими корнями... „Не правда ли, какъ онъ величествененъ, старый дубъ!“ говорила одна; — ква! — сочувственно подтверждала другая.

И я впитывалъ корнями приятную сырость и крѣпило мое тѣло, одѣвая все большей и большей тѣнью ласковое болото.

Ахъ, какъ хороши были эти дни!.. но вотъ появилась ты, гдѣ то совсѣмъ близко у моихъ корней малымъ, незамѣтнымъ ручейкомъ...

Ты и тогда суетливо и легкомысленно кричала: „Впередъ! впередъ!“ и, запынаясь о камни, разрывала мой надежный песокъ.

А потомъ... (О, проклятое время!) ты стала большой и сильной рѣкой. Ты со злобой ударяешь въ берегъ и обнажаешь мои корни... Но, послушай, вѣдь мы еще можемъ пола-

дить и заключить договоръ, неспокойная рѣка! Вспомни, я когда то осѣнялъ твои волны надежной тѣнью, чтобы ихъ не высушили коварные лучи... (Ты ихъ бойся, молодая рѣка—они несутъ гибель!)

Я не давалъ разойтись твоимъ безумнымъ силамъ, вѣдь ты потопила бы все кругомъ. За это ты должна быть мнѣ благодарна!

— Ха-ха-ха! старый, гнилой дубъ! — зазвенѣли молодыя струйки, „ха-ха-ха!“ задрожала переливчатымъ смѣхомъ каждая капелька:

— Мы любимъ солнце, мы знаемъ солнце... Оно зоветъ насъ туда, туда къ вѣчному морю, гдѣ оно родится... Впередъ! впередъ! —

И шаловливыя волны ударили о берегъ, и скрипѣлъ и качался старый дубъ...

Напрасно хватались за песокъ его узловатые корни, рѣка подтачивала ихъ... Да они, вѣдь, были и гнилые!

Veta.

Дикарскія пожеланія.

К.-Д.-тамъ.

Избирательныхъ шаровъ,
Сотни три профессоровъ,
А „Народную Свободу“
Предоставьте-ка народу.

Пе-пе-пе-камъ.

Вамъ желаемъ для почина
Поскорѣ „выбрать“ Мина.
Не проспять управскихъ миссій
И побольше подкомиссій.

Графу.

Вамъ узнать, что папуасовъ
Нѣтъ въ Россіи—есть Дубасовъ,
И „спасенія“ секретъ
Сохранить десятокъ лѣтъ.

жившись фонаремъ и флагомъ стрѣлочника, дерзко разгуливаетъ по землѣ русской!.. Отецъ мой прослезился: „А, потому, я думаю, оставивъ общую тему, измѣнить нашъ девизъ сообразно современности. Какъ ты находишь? Онъ досталъ изъ кармана листокъ бумаги и прочелъ:

Девизъ рода Минрогримановыхъ.

Полковникъ, отправляясь въ путь,
Не рѣжъ повстанцевъ какъ-нибудь,
Рѣжъ ихъ заботливой рукой—
Латышъ или русскій недругъ твой.
(Хоръ) Рѣжьте, братцы, рѣжьте,
Бейте эвергичный,
Рѣжьте передъ вами
Матерьялъ привычный!
Трое красныхъ—въ ходъ нагайка,
Десять... или и не зѣвай-ка!
Сто—скорѣ пулеметь,
Бей! и наша верхъ возьметъ!
Рѣжьте, братцы, рѣжьте!.. и. т. д.

Я обнялъ моего дорогого родителя и поклялся всегда слѣдовать священнымъ завѣтамъ, начертанныхъ имъ...

Современная басня.

Иванъ Петровъ изъ Баку убѣжалъ; Полиція его искала неустанно. Петровъ Прокопій въ Ригѣ проживалъ И въ Баку отродясь не бывалъ. Къ нему ночной порой явились „гости“... странно!

И рыли до самого утра;
Хотя и не сыскали ни пера,
Но... все жъ безъ лишнихъ словъ
Онъ „водворентъ“... За что? — За то, что онъ
Петровъ.
Пли.

Изъ записокъ напуганнаго обывателя.

I.

Въ столицѣ угрюмой, ночью порою
Напуганный „житель“ сидитъ
И дремлетъ, качаясь; но въ чуткой
Дремотѣ
Все ждетъ, что звонокъ зазвенитъ.
И снится ему, что въ томъ краѣ далекомъ,
Гдѣ Лихо галушки жуетъ,
Другой обыватель, Терентій Барвинокъ,
Жандармскаго обыска ждетъ.

II.

Кто онъ?

Онъ гремитъ и мчится,
Я дрожу, блѣднѣю...
Что тутъ приключится?
Въ ухо или въ шею?
Завизжитъ нагайка...
Можетъ не обидитъ?...
Скачетъ сѣрый зайка,
А куда—не видать!

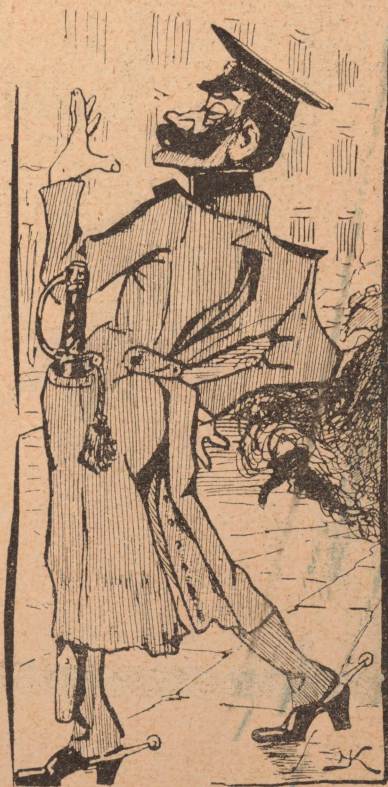
Послѣдняя новость.

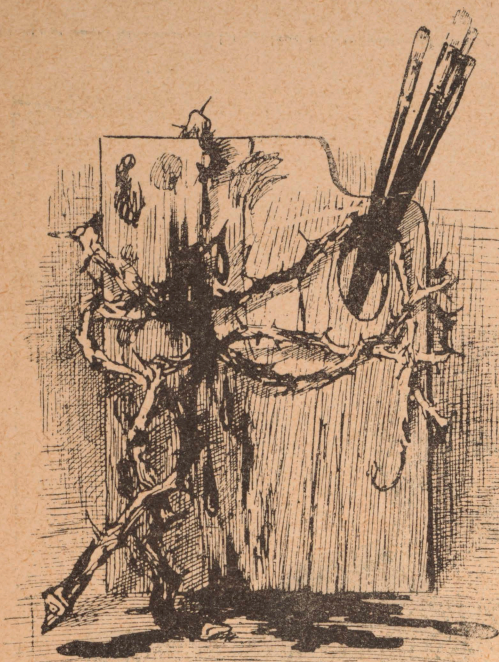
Меншиковъ разсердился на графа Витте и обозвалъ его социаль-демократомъ.

Я участвовалъ въ Саратовскомъ дѣлѣ и даже собственноручно выбиралъ лозы для этихъ канальевъ-бунтовщиковъ; я командовалъ пулеметной Колоколенской ротой въ Москвѣ; затѣмъ, меня съ героемъ Янтайскимъ отправили въ мятежный латышскій край, гдѣ я имѣлъ счастье захватить въ плѣнъ и разстрѣлять одного Максима, правда ему не доставало трехъ мѣсяцевъ до году, но... кто знаетъ какими соображеніями руководились родители его, давая ему такое преступно-революціонное имя!..

А впереди мнѣ ласково улыбается своими золотыми лучами генераль-адыютантская звѣзда... О, родная нагайка! Кто не знаетъ убѣдительно силы твоего мягкаго свиста?.. Рѣжьте, братцы, рѣжьте!..

Старый.

Скромное признание одного культурнаго органа соціальной сатиры.

Дали мы міру не мало:
Наше сердитое жало
Может слона уложить!
Соображеніемъ быстры,
Что намъ чины и министры —
Скучно о нихъ говорить!
Стройная наша сатира
Разомъ охватитъ полъ-міра...
Да, преклоняйтесь предъ нами —
Мы... съ именами!

Шепчетъ свѣжо и комично
Теффи про „елку“ и „маму“
О. Я. (Скиталець) трагично
Острую выложилъ дѣламу.
(Бѣдной princessе достается!..)
Въ струнку „Листики“ передъ нами!
Забастовать вамъ придется —
Мы... съ именами!

Купринъ намъ далъ сочиненье
Въ тысячу строкъ полновѣсныхъ.
Ну, выступайте въ сраженье
Сотни „Листковъ“ безызвѣстныхъ!

Да, молодая сатира
Вмигъ овладѣетъ умами,
И завоюемъ полъ-міра —
Мы... съ именами!

Сообщилъ Флагъ.

Письмо Пермскаго союза „русскихъ людей“ къ архіерею.

Милостивъ, отче нашъ, буди!
Истинно-русскіе люди
Низко челомъ тебѣ быть.
Воззри на буйное стадо,
Выведи души изъ ада...
Какъ! И отцы возстаютъ:
За отпѣванье, крестины
Не собираютъ полтины
(Признакъ, ей Богу, плохой!)

— Плачутъ у насъ патриоты:
„Намъ и громить нѣтъ охоты,
Батка не кличетъ на бой!“
На прихожанъ не доносятъ
И за вѣнчанье не просятъ
Деньги впередъ. Ну, дѣла!
Свѣтскія книжки читаютъ,
Даже кружки посѣщаютъ...
Отче, спаси насъ отъ зла!
Стисалъ Климъ.

Крамола въ корридорѣ или рука Всевышняго отечество спасла.

Въ корридорѣ реальнаго
училища въ г. Екатерино-
славѣ произошла дѣтская
манifestация.. Въ резуль-
татѣ по требованію гене-
раль-губернатора, совѣтъ
уволить 16 воспитанни-
ковъ...

(Изъ газетъ).

Въ реальномъ великая смута...
Въ директорской мысли сумбуръ...
Довоситъ начальству; и круто
Рѣшилъ поступить помпадуръ.

Стянувши кушакъ, какъ свивальникъ,
Казаковъ взявъ добрый нарядъ,
Въ реальное вѣдетъ начальникъ,
За нимъ скорострѣльные въ рядъ...

Вошла молодецкая свора —
Отъ топота полъ задрожалъ.
Директоръ во тѣмѣ корридора
За ухо „крамолу“ держалъ.

Крамольникъ пищалъ, холодѣя;
Къ нему подошелъ помпадуръ:
„Вамъ лучше сознаться скорѣе,
Онъ молвилъ настойчивъ и хмуръ,
„Теченьямъ“ велѣнымъ въ угоду
„Не терпимъ преступнаго зла!“
— Я... сказку, какъ мышку-свободу
— Реакція-кошка взяла —...
Слова поминутно глотая,
Ленечетъ смущенный мальшъ.
„Довольно!“ глазами сверкая,
Промолвилъ блистательный шшшъ.
„А этотъ?“ — Онъ съ флагомъ попался,
Директоръ любезно сказалъ,
— Вотъ этотъ въ хору отличался,
— А тотъ на „борьбу“ призывалъ. —
Привыкъ генераль куралесить,
И чуть черезъ край не хватилъ,
Воскликнувъ, забывшись: „повѣситъ!“
Директора даже смутилъ.
Но скоро, поднявъ эполеты,
Махнувъ генеральской рукой
И давъ предписанье совѣту,
Исшелъ укротитель домой.

И шлетъ генералу посланье
Послушный и скромный совѣтъ:
„Мы шесть осудили въ изгнанье,
Исполнивши мудрый завѣтъ“.
Но воинъ не сдался горячій,
И внемлетъ послушная рать:
„Я вашей поставилъ задачей
Шестнадцать преступныхъ убратъ!“

Рѣшивъ въ дорогомъ единеньи
Россію избавить отъ бѣды,
„Да будетъ!“ въ большемъ умиленьи
Воскликнулъ почтенный совѣтъ.

Плебсъ.

Изъ неизданныхъ афоризмовъ и замѣтокъ Прутковыхъ дѣда и внука

1. Будучи гражданиномъ правового государства русскаго, бди! и о загробной жизни помышляй неустанно.
2. Смотри въ корни!.. но... объ усиленной охранѣ памятуй!

Же все о политикѣ.

Нѣкоторая любезная персона кавалера своего во время контроданса весьма хладнокровно спросила: „Государь мой, скажи мнѣ, каково сродство и разницу между плодомъ садовымъ и народомъ русскимъ полагаешь?“

На что хитроумецъ сей ни мало не смятеннымъ, но нарочито постояннымъ голосомъ отвѣтствовалъ: — Сударыня! плодъ садовый собираетъ, да созрѣетъ, садовникъ помышляетъ. Народъ же русскій до созрѣванія не токмо не допускаютъ, но сугубо его отъ онаго охраняютъ. Сродство же полагаю: и плодъ садовый и народъ русскій по созрѣванію въ ящикъ закуорить тщатся!

На сіе молодая и любезная особа съ превеликимъ огнемъ воскликнула: „Для чего я съ этимъ демократомъ разговаривала!“

Телеграммы.

Отъ собственныхъ корреспондентовъ.

Изъ Иркутска. По слухамъ нашъ помпадуръ, отправляясь на прогулку, одѣваетъ непроницаемый ватный набрюшникъ, такъ какъ мѣстный барометръ общественныхъ настроеній часто подверженъ угрожающимъ колебаніямъ. Почтенный генераль чувствуетъ нѣкоторое головное разстройство; слѣдствіемъ чего и явилось обязательное постановленіе: „Лица, отправляющіеся на западъ, должны имѣть свидѣтельства о благонадежности.“

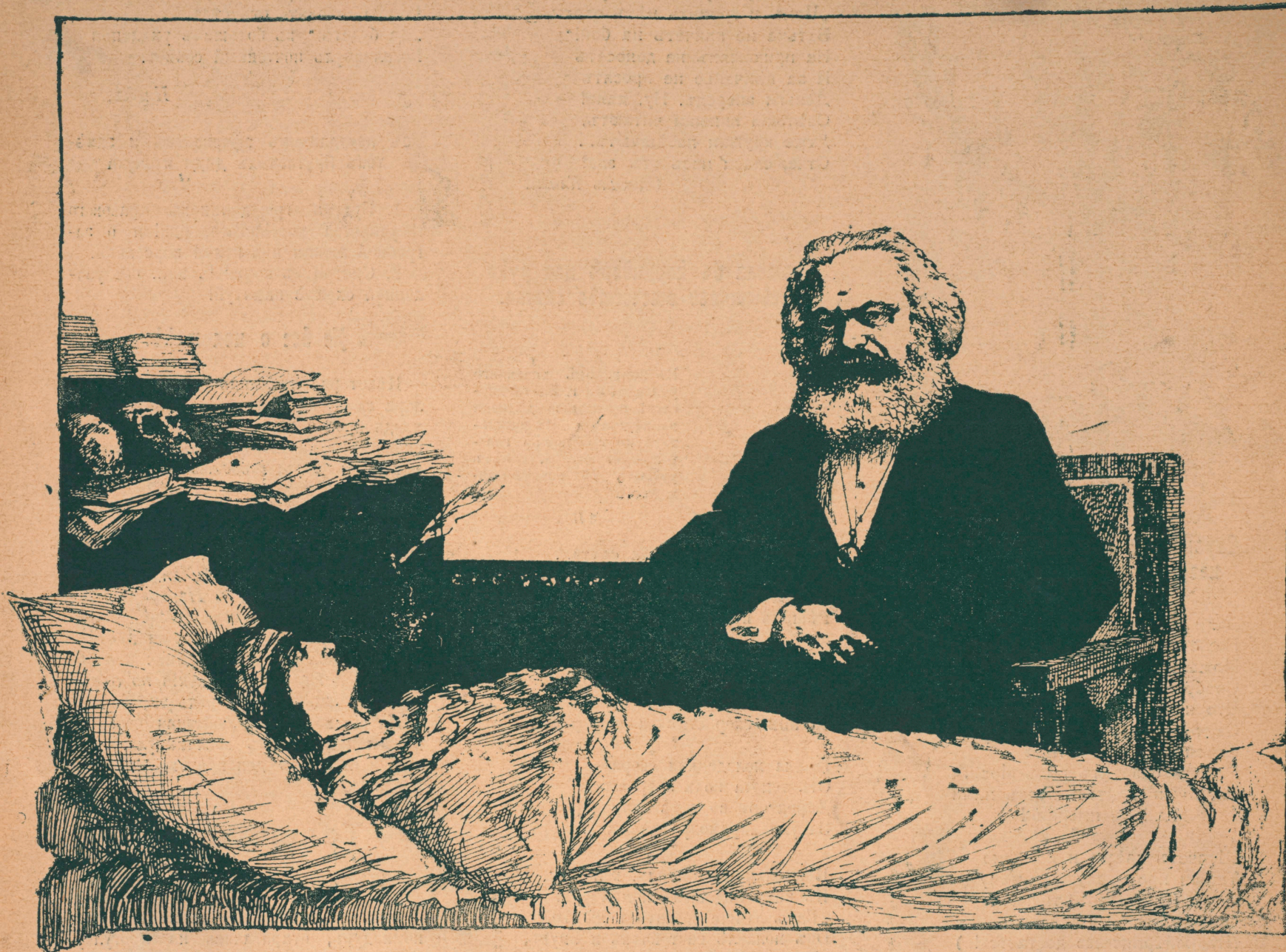
— На одномъ изъ маскарадовъ нѣкое домино разгуливало въ головномъ уборѣ, въ видѣ кукиша съ надписью „свобода“. Дерзкій кукишъ доставленъ въ мѣстную тюрьму, а носитель онаго успѣлъ скрыться. Властями ведутся энергичные розыски.

Астрахань. Пенепеки думаютъ издавать газету „Астраханская селедка“. Направленіе съ душкомъ.

Хроника.

Реформы. По почину министерства путей сообщенія въ Россіи предполагаютъ постепенно и мирно ввести западно-европейскіе порядки:

Взамѣнъ желѣзнодорожныхъ союзовъ, совершенно ненужныхъ мирно настроен-

Докторъ: Болѣзнь развивается нормально. Наступаетъ кризисъ.

нымъ рабочимъ, на всѣхъ дорогахъ съ осени 1906 года будетъ введено *счисленіе времени по Европейскому счету.*

Вокзалы желѣзнодорожныхъ станцій будутъ перекрашены въ зеленый цвѣтъ—многообѣщающій цвѣтъ надежды!

Благодарные рабочіе, не дожидаясь осени, уже готовятъ адресъ попечительному начальству.

— По слухамъ среди инженеровъ Путиловскаго завода эпидемически (?) свирѣпствуетъ *Varices haemorrhoidales*. Причина—чрезмѣрная кабинетная работа по составленію „фильтровочныхъ“ списковъ рабочихъ. Начальство довольно. Всѣ довольны. „Союзъ“ краснѣетъ...

Миръ праху твоему Алексѣй Степановичъ Молчалинъ!

Вынужденное послѣсловіе.

Нашъ новорожденный „Дикарь“ по примѣру дикарей бывшихъ и сущихъ потерпѣлъ, вкусивъ плодовъ „цивилизации“. Въ тотъ моментъ, когда онъ долженъ былъ явиться въ свѣтъ пришли „джентльмены“ и весьма выразительно заявили— „Статья 21 пунктъ такой-то...“ Разсуждать не приходилось... И потому косвенное страдательное лицо, нашъ „Дикарь“, засѣлъ въ типографіи и выходитъ съ опозданіемъ:

Редакція

Отъ Редакціи.

Литературный матеріалъ просятъ доставлять съ подписью и адресомъ автора.

Возвращеніе не принятыхъ рукописей не обязательно.

Рукописи безъ обозначенія гонорара оплачиваются по усмотрѣнію редакціи.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понед., средамъ и пятн., отъ 7—8 ч. веч., кромѣ праздниковъ.

Журналъ будетъ выходить въ краскахъ одинъ разъ въ недѣлю въ 8 страницъ альбомнаго формата, съ рисунками.

Временный адресъ редакціи: Пушкинская 10, кв. 143.